

ЖРЕЦ ЦАРЯ ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА

Многотомный труд Ю. Я. Перепелкина, посвященный преобразованиям Амен-хотпа IV, остался незавершенным. Предлагаемая вниманию читателей часть должна была начинаться книгу пятую второго тома. По причине установленного в конце 70-х годов ограничения объема книг Ю. Я. Перепелкин убрал этот раздел из второго тома и, судя по ссылкам на публикации источников, не работал над ним. Само же написание раздела можно датировать 1966 годом.

За прошедшие почти четверть века появилось много публикаций новых источников и новых исследований, но труд Ю. Я. Перепелкина не устарел ни в одной своей части. Более того. Он настолько оригинален по методике, по глубине мышления и проникновения в материал, что в сущности лишь сейчас по-настоящему начинает осваиваться мировой египтологией. В свое время перевод его «Тайны золотого гроба» (Perpelkin G. *The secret of the gold coffin*. M., 1978) вызвал сначала, мягко говоря, сдержанный прием (см. рецензии: van de Walle B. // *CdE*, 1, 1980. N 109–110. P. 136–140; Reeves C. N. // *BiOr*, V, 1981. XXXVIII. № 3/4. P. 293–297), однако по мере освоения результатов его исследования этот прием сменился полным признанием приоритета Ю. Я. Перепелкина (Helck W. // *OLZ*, 78, 1983. Jg. № 6. S. 544 ff.; idem. *Kijê* // *MDAIK*, 1984. Bd 40. S. 159–167). Э. Хорнунг (Hornung E. *Tal der Könige: Die Ruhestätte der Pharaonen*. 3. erweiterte Auflage. Zurich, München 1985. S. 217) вообще перечёркивает другие исследования, оставляя только публикацию источников и исследование Ю. Я. Перепелкина. См. также: Munro I. *Zusammenstellung von Datierungskriterien für Inschriften der Amarna-Zeit nach J. J. Perpelkin «Die Revolution Amenophis IV»*. Teil I (russ.). 1967 // *Göttinger Miscellen*. 1986. Ht 94. S. 81–91); *BiOr*, 1987. V. XLIV. № 1–2. P. 137–143. Несмотря на явное усиление интереса к личности исследователя и предметам его изысканий, несмотря на все увеличивающийся поток литературы, ныне в известной степени повторяется история с Кэйе и «Тайной золотого гроба»: то, что удалось установить Ю. Я. Перепелкину в предлагаемой статье, является абсолютно новым и неожиданным. Ю. Я. Перепелкин имел обыкновение писать очерками, постепенно рассматривая крупную проблему то с одной, то с другой стороны (в данном случае том должен был освещать все окружение фараона-реформатора), а затем соединять очерки в книгу. Это позволяет каждый отдельный очерк воспринимать как самостоятельную, внутренне законченную работу, хотя сам автор много времени тратил на переработку будущих глав в цельную монографию и вообще для себя не признавал статью как форму исследования.

Ссылки в тексте на параграфы без указания книги подразумевает монографию Ю. Я. Перепелкина «Переворот Амен-хотпа IV» (Ч. I–II. М., 1967–1984). Поскольку в книге Ю. Я. Перепелкина «Кэйе и Семнех-керэ. К исходу солнцеклоннического переворота в древнем Египте» (М., 1979), являющейся третьим томом той же монографии, нумерация параграфов издательским редактором устранена, ссылки на нее даны в подстрочных примечаниях, как и на прочие исследования.

Оригинал хранится в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд № 148, опись № 1, ед. хр. № 33.

Материал подготовил к печати Е. С. Богословский.

Евг. Богословский.

По принятому обычаю у Амен-хотпа IV было два «правителя», т. е. верховных сановника фараоновского государства, на средневековый лад — два «везира». Оба они вместе изображены в Ах-йот в гробнице П-рен-нуфе при VI солнечном титуле (см. § 39; EA VI:IX = X) и в гробнице домоправителя Ми-рэ при поздних солнечных кольцах (EA II:XXXIII = XXXV). Имеется и косвенное указание на двойственное число правителей. Вместе с Бенре-мут, сестрою царицы Нефр-эт, в составе царского сопровождения не раз изображены два шутовских правителя, два колченогих карлика, одетых в служебный наряд правителя, названных каждый «правителем» (EA II:V два раза, VII, VIII; EA VI:XVII, XXVI, XXVIII).

В течение первых пяти лет царствования Амен-хотпа IV «правителем» в столице, Нэ, был Ра-мосе, унаследованный молодым царем от своего отца. Как известно, Ра-мосе занимал должность правителя в 30 году Амен-хотпа III (JNES X:48 VIII 92; DAeAe III:LXXXIIIb), так что ко времени воцарения Амен-хотпа IV «правительствовал» уже не менее восьми лет. Великолепная гробница Ра-мосе в Нэ была высечена и в значительной мере отделана при Амен-хотпе III (TVR:XIII = U18D:1778). Бесспорно времени того же фараона две надписи Ра-мосе на скалах в области первых порогов (MDREN:LXX 21 = CMIEA:90 97, 103 51 = U18D:1791).

Возможно, самых первых лет Амен-хотпа IV изображения и надписи Ра-мосе над внутренней дверью его гробницы (TVR:XXVIII + 36(1), см. § 67). В ней же при строчном имени, когда слово «ликующий» в нем писали буквами и знаком свитка, следовательно,

в 4-ом году царствования Амен-хотпа IV (см. § 10), Ра-мосе приветствует царя, будучи по-прежнему «распорядителем (стольного) города (и) правителем» (FTEQ:XXVI + XXVII = EW:XXVI + XXVII = TVR:XXIX – XXXI = L–LI, отчасти ZAeSA XXI:129 = TTA:138 CXXXVI, U18D:1780). В той же должности он появляется в своей гробнице и на изображении награждения его царем при I солнечном титуле (см. § 34; TVR:XXXII–XXXVIII), притом по провозглашении царя «живущим правдою» (TVR:XXXVI), значит примерно в 5-ом году царствования (см. § 64). Никакого умаления Ра-мосе при новом фараоне не заметно, напротив, его положение по-видимому, сильно возросло. Прежде Ра-мосе величался, как многие другие вельможи, «повелителем-князем» (обычно переводится «наследственный князь»; в гробнице — TVR:XVIII = U18D:1779, TVR:XIX = U18D:1790, TVR:XXVIII = U18D:1789, TVR:XXXIX = U18D:1789, TVR:XL = U18D:1777, строки 1 и 9; на изваянии — RTRPhAEA XXIX:142 = U18D:1790, в наскальной надписи — MDREN:LXX 21 = SMIEA:90 97, 103 51 = U18D:1792); так величался он, возможно, и в начале царствования Амен-хотпа IV (TVR:XXVIII, см. § 67). Но при I солнечном титуле (см. § 34) Ра-мосе в той же своей гробнице не менее двух раз назван просто «повелителем», как величались престолонаследники или вельможи, приравненные или почти приравненные к ним по положению (TVR:XXXIV = U18D:1781–1782 два раза, наверное, еще третий раз TVR:XXXVI согласно вполне основательному восстановлению В. Хелка U18D:1782). Последнее обстоятельство позволяет, быть может, отнести ко времени Амен-хотпа IV и так называемые «гробничные конусы» Ра-мосе (CIEFC I:№ 132 = CIEFG I:№ 133 = U18D:1791); надпись ни в чем не противоречит такому приурочению: «Славишь ты Рэ по утрам — повелитель, друг (царев) единственный, предводитель, предстоящий великим, распорядитель (стольного) города, правитель Ра-мосе, правый голосом (т. е. покойный)». В надписях в гробнице, величающих Ра-мосе просто «повелителем», за этим саном неизменно следовало тоже «друг единственный».

После переименования царя из «Амен-хотпа Нуте-хок-висе» в «Эх-не-йота» уже больше ничего не слышно о Ра-мосе. Отсюда однако не следует, что он пал жертвою царской немилости. Его гробница подверглась впоследствии придирчивому просмотру с целью истребления имени Амуна и даже слова «боги», но ни изображений, ни титула самого Ра-мосе не тронули. Это тем показательнее, что в соседних гробницах Саха и П-рен-нуфе, впавших под конец в немилость у царя, имена владельцев безжалостно уничтожались (Сах — ASAE XLII:460–461 семь раз, 462, 464–466, П-рен-нуфе — JEA IX:137–38 многократно, XXIII два раза, XXV два раза; см. также 136; ср. XXIV 2 + 140 и XXVII v; у Саха истреблялось даже его изображение — JEA IX:135). Заметим также, что племянник Ра-мосе Апи, сын его брата великого домоправителя царя в Мэнфе Амен-хотпа (TVR:IX, XI–XII, XIX = U18D:1785–1786, TVR:IX = U18D:1786; TVR:IX = U18D:1784; U18D:1812; Aegy XIV:34 = 35 + 36 = U18D:1807–1808, КИДВ:№ 3 = ИНЦ:XXXV = ВДИ, 1974. № 2: 97–106 = U18D:1812), унаследовавший отцовскую должность, процветал при Амен-хотпе IV не только до его переименования в «Эх-не-йота» (HPKG:XXXVIII), но и после того. У Апи в новой столице был дом, отделявшийся при IV–VI солнечном титуле (KEA II:XIII = AeISMB II:399 = RKA:LV = TTA:158 CLXXI = MDIAeAK IX:XXa = SchNSch: против 17 = RSch:против 17), а также гробница, высеченная в скалах за городом, которую отделявали еще при V (см. § 38) солнечном титуле (MSECAE I 87–92, XXXVIII–XL, EA IV: 19–20, XXX–XXXIII, XLIII–XLIV). Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что Ра-мосе мог плохо кончить. Тем не менее, в новой столице мы застаем уже иных лиц в должности правителей.

От одного из них мы имеем незаконченную гробницу с чернильными набросками надписей на косяках двери (RTRPhAEA XV:38 = MSECAE I: 81 = EA V:12–13, XIV). Кроме двери и входа ничего в сущности не было высечено, так как работа над внутренним помещением, скромным по сравнению с большими вельможескими гробницами, была только начата. Н. де Г. Дэвис допускает, что непритязательные размеры гробницы могли быть вынужденными ввиду «плачевного качества скалы в этой точке»¹. Но как бы то ни было, ни

¹ de-Garis Davies N. The rock tombs of El Amarna. Pt. 5. London, 1908. P. 13.

они, ни приостановка работы в самом начале не свидетельствуют о влиятельности хозяина, хотя был он «повелителем, начальником, казнохранителем...», «правителем». Звали его — (Не)шт-п-йотом. Точных указаний на время гробницы остатки надписей не сохранили, однако в ее принадлежности поре ранних солнечных колец вряд ли приходится сомневаться. Первая из трех стоячих строк по каждую сторону двери кончалась словом «вековечность», перед которым слева читалось еще слово «вечность». Так как сочетание «вечность вековечность» — в противоположность сочетанию «вековечность вечность» — свойственно титулам солнца, царя и царицы (см. § 55), первая строка должна была и по другую сторону двери заключать эти титулы²; остальные строки содержали молитвы и титулы вельможи. Но так устроены надписи на косяках: бывают только при ранних солнечных кольцах (см. третью часть настоящего исследования). Исключение — гробница Маху (EA IV:XXVII, XXVIII), но Маху подражает в соответствующих надписях соседним, более ранним гробницам (см. § 40, 108, 109, 114).

К той же поре ранних солнечных колец надо отнести и другого известного нам по имени правителя. Его звали Нашт, но дошла от него до нас не гробница, а развалины городского дома с обломками надписей, некогда его украшавших (CA 1:5–9, 143–146, III–V, VII 4, 6, VIII 1, XXXV 10). К сожалению, остатки солнечных колец, о существовании которых можно заключить из описания, не были изданы. Однако употребление слова «бог» применительно к фараону («бог, творящий людей», CA I:VII 6 = TTA:174 ССIII) не позволяет приурочить отделку дома ко времени более позднему, чем самое начало поры поздних солнечных колец (см. § 114). Если бы слово «шов» на одном из обломков было из солнечного имени, принадлежность дома поре ранних солнечных колец была бы сама собой очевидной, но только вряд ли это «шов» из солнечного кольца (CA III:XXXV 10). С другой стороны, дом отделявали и не раньше как при III солнечном титуле, поскольку царица уже «[Нефр]-нефре-[йот] Нефр-э[т]» (CA III:XXXV 10).

Дом Нашта выделяется своей величиной и великолепием, и кажется странным, что такому богатому городскому жилищу не соответствует столь же роскошное вечное место обитания на кладбище: гробницы на имя Нашта там не обнаружили. Однако вполне возможно, что Нашту принадлежала какая-нибудь из незаконченных безымянных гробниц. На южном кладбище, где большинство гробниц отделано при ранних солнечных кольцах, имеется одна, почти готовая, но лишенная каких-либо изображений и надписей. По своему утонченному великолепию она превосходит все прочие гробницы на южном кладбище, а по величине приближается к гробнице Туту, уступая одной лишь гробнице Ая. Такая усыпальница была бы достойна верховного сановника.

Но что, если Нешт-п-йот и Нашт одно и то же лицо? Оба правители, слово «нешт/нашт» имеется в имени каждого. Тогда скромная гробница на имя Нешт-п-йот была бы местом вечного упокоения Нашта, обладателя роскошного дома в городе живых. Несоответствие между тем и другим сооружением, конечно, разительно, да и имена у правителей все-таки разные. Мысль о возможном тождестве обоих приходила на ум уже первоиздателям жилища Нашта, но была тогда безоговорочно отклонена. Все же есть обстоятельства, заставляющие отнестись к такой возможности более внимательно. Дело в том, что оба правителя, в сущности, одновременны. Оба, как мы видели, приходятся на последние годы ранних солнечных колец. Надписи на косяках гробничной двери были не совсем обычны, судя по тому, что уцелело на левом из них. Вместо того, чтобы каждой стоячей строке составлять самостоятельную надпись, третья строка представляла прямое продолжение второй, причем в этой последней заключены были как молитвы, так и начало вельможеского титула, продолжавшегося и завершавшегося в третьей строке справа — «(1) — — — ежедневно пока не достигнет (3) — — — (Не)шт-п-йот», слева — «(2) — — — он (или: его) повседневно повелителем, начальником, казнохранителем (3) — — — правителем (Не)шт-п-йотом». И вот сходное необычное строение оказывается и у трехстрочной надписи на косяке городского дома: «(1) — — — в пожалованиях, владыка обеих земель, зиждущий лица все

² Ibid. P. 12.

(т. е. всех людей). (Да) даст он (2) — — — жалуем[ому] владыкой своим, творящ[ему] сказанное, обученн[ому] владыкою обеих земель касательно (?) (3) — — — письмо на камне, распорядител[ю] (стольного) города Нашт[у], прав[ому] голосом» (СА I:VII 4 + 145 = ТТА:173 СС1). Но могут ли эти обстоятельства перевесить несоответствие между скромной гробницей и притязательным жилищем и особенно различие имен? Первое, быть может, не является решающим, но различие имен составляет такое препятствие, какое преодолеть трудно. Добро бы краткое «Нашт» стояло в чернильных набросках будущих надписей, но оно и притом оно одно стоит в завершенных надписях на дверях и стенах дома. По имеющемуся описанию дома царь был изображен там почитающим солнечные кольца (СА 1:7), а вот в имени хозяина наименование солнца зачем-то повсеместно вдруг было б выкинуто! Подобное сокращение представляется невероятным. Оно тем более невероятно, что имя «Нешт-п-йот» в полном, несокращенном виде употребительно в ту пору: помимо хозяина гробницы его носит владелец «ответчика» (АеР:210 9) и некое должностное лицо в производственной скорописной пометке (СА III:LXXXVIII 84). Родственное имя «П-йот-нашт» («Йот крепок») выписано тоже полностью в скорописном счете на черепке (СА III:LXXXIV 5; ср. также «[П(?)]-йот-нашт» в скорописной пометке СА I:LXIV 40).

Одновременное или почти одновременное появление в Ах-йот двух правителей Нашта и Нешт-п-йота объясняется, возможно, очень просто. Не приходится сомневаться в том, что великолепный «распорядитель города (и) правитель Нашт» был главным или верховым правителем. Необыкновенный дом в подведомственной столице и звание «распорядитель работ в [Ах]-йот» (СА 1:145, восстановление Б. Ганна — на стр. 146) подходят к тому как нельзя лучше. Скромный Нешт-п-йот мог бы быть низовым правителем. На изображении в гробнице П-рен-нуфе в Ах-йот времени VI солнечного титла представлены два правителя, но в то время, как один из них стоит впереди всей толпы сановников и обращается с речью к фараону, другой совсем теряется в ней, занимает в ней предпоследнее место, будучи отделен от первого тремя вельможами. Можно полагать, что второй, скромный, правитель — верховный сановник Низовья. Другой раз, в гробнице домоправителя Ми-рэ в Ах-йот, оба правителя изображены рядом (ЕА II:XXXIII = XXXV, пора поздних солнечных колец). Что низовые сановники обзаводились жилищами и местами погребения в Ах-йот, тому доказательство дом (АеISMB II:399 = КЕА II:XII = АРК:LV = ТТА:158 CLXXI = MDIAeAK IX:XXa = SchNSch: против 17 = RSch:против 17) и гробница (MSECAE I:87–92, XXXVIII–XL = ЕА IV:19–20 + XXX–XXXIII + XXXIX + XLIII–XLIV) «распорядителя дома (т. е. царского хозяйства) Мэнфе» Апи и дом «великого (среди) видящих Йота в доме Рэ (очевидно, в Оне)» П-воха (MDOGB XLVI:18 = АеISMB II:126 = ТТА:172 CXCVIII = MDIAeAK IX:XXI).

Второй правитель появляется только у П-рен-нуфе и Ми-рэ домоправителя, в других гробницах мы находим всегда одного правителя, легко узнаваемого по своему своеобразному наряду. Несомненно, это столичный правитель. В гробнице Маху это следует из самого содержания изображений и надписей. На правителе как градоначальнике столицы лежит верховный надзор за ее безопасностью, и вот он стоит во главе «сановников больших фараона — жив, цел, здоров! — (и) предводителей войска, которые стоят пред величеством его», а «начальник мэджа (т. е. стражи) Ах-йот Маху» представляет трех окованных мужчин для допроса (ЕА IV:XXVI–отчасти XLI). В другой раз «правитель (и) распорядитель города [Ах-йот (имя-рек)]» прибыл в само расположение стражи на подступах к Ах-йот и, стоя у костра, принимает доклад ее начальника (ЕА IV:XXIV). Царская чета прямо из храма едет осмотреть столичные заставы, и верховный сановник устремляется туда же бегом впереди царской колесницы (ЕА IV:XX). А когда царь с царящей и дочерью отбывают прочь, правитель почтительно провожает их вместе с Маху и его подчиненными (ЕА IV:XXI–XXII = отчасти XII).

Чаще всего мы застаем правителя, а то и двух правителей, в толпе вельмож, присутствующих при награждении царем их собрата. И такие изображения имеются одинаково как в более ранних, так и в более поздних гробницах Ах-йот: при VI солнечном титле (см. § 39) у П-рен-нуфе (ЕА VI:IV = X, два правителя), у Туту (ЕА VI:XVIII, XX),

у Ая (EA VI:XXIX = XLIII); при VII солнечном титуле (см. § 40) у Ми-рэ жреца (EA I:VI = VIII, XXV = XXX), у Ми-рэ домоправителя (EA II:XXXIII = XXXV, два правителя). Когда царскую семью постигает большое горе — кончается вторая царица, правитель уж тут как тут и принимает живейшее участие в оплакивании почившей (MSECAE I:VII = IX; вероятно, также MSECAE I:VI = ИДЕ:141 = ИДЕг:367). И это изображено внутри самой царской гробницы.

Глядя на все эти изображения, видя, как часто на них появляется правитель — на заставах столицы и в ее правительственной средоточии, на царских выходах и в личных покоях царской семьи, было бы естественно заключить, что правитель и в Ах-йот оставался самым влиятельным сановником фараона. Однако такое заключение было бы ошибочным.

ЗАГАДОЧНЫЙ САНОВНИК

Да, высшие сановники страны, верховый и низовой правители, особенно первый из них, изображаются на стенах гробниц в Ах-йот. Совершенно верно. Но только всегда ли при этом оказывалось должное внимание к высокому сану правителя?

Настораживает уже появление в царском сопровождении двух шутовских правителей. На царских выходах сестру царицы Нефр-эт, юную Бенре-мут, обыкновенно сопровождают два колченогих карлика, наряженных в облачение, присвоенное одним правителям: рубашку на лямках, спускающуюся от середины груди до середины голени (EA II:V два раза, VIII, ср. VII, EA V:III, EA VI:XVII (?), XXVI, XXVIII). Карлики именуются: «Правитель жены царицы Энэх („Вековечность”» и «Правитель матери его (т. е. царя) Рэ („Солнце”» (EA II:V два раза, EA VI:XXVI, XXVIII).

Но и сами настоящие правители бывают показаны так, что трудно не подметить: главный сановник фараона не правитель, а какое-то другое лицо.

Когда царь награждает П-рен-нуфе, впереди присутствующих вельмож стоит один из правителей, и он же обращается с речью к фараону (другой правитель затерян в сановной толпе, EA VI:IV = X). Равным образом, оба раза, когда царь осыпает своими милостями Туту, правитель опять-таки оказывается впереди вельмож (EA VI:XVIII, XX). Но этим не исчерпывается число изображений, на которых правитель предстает перед царем впереди остальных сановников.

Когда фараон награждает Ая, правитель возглавляет их толпу, но впереди него самого стоит еще какой-то сановник (EA VI:XXIX = XLIII). Когда награды получает домоправитель Ми-рэ, во главе придворных чинов стоят оба правителя, но впереди них стоит то же загадочное лицо (EA II:XXXIII = XXXV). При возведении царем другого Ми-рэ в сан верховного жреца солнца, за ним, коленопреклоненным, толпятся придворные во главе с правителем, но впереди правителя все тот же неведомый вельможа, и именно он обращается с приветствием к фараону (EA I:VI = VIII). Когда же царь одаривает Ми-рэ золотом, внизу изображен правитель небольшого размера впереди писцов, ведущих запись, в самом верху представлены придворные чины и воины-опахалоносцы, а посередине показан крупно другой правитель, но впереди него стоит еще один вельможа (EA I:XXV = XXX). На первый взгляд может показаться, что у начальника стражи Маху загадочный сановник, наконец, уступает первенство правителю. Царь с женою и дочкою едет на столичную заставу, а перед его колесницею бежит правитель, и на этот раз за ним, а не впереди поспешает некий вельможа (EA IV:XX). Однако первенство правителя здесь только кажущееся: тот вельможа бежит непосредственно перед царской колесницей, а правитель — на большем от нее расстоянии за меньшим, чем он, лицом — начальником стражи Маху. Что незнакомец важнее, подтверждает со всей желательной наглядностью другое изображение у Маху: с отбывающим царем говорит тот сановник, а правитель — куда меньшего размера — стоит позади; за правителем стоит тот же Маху (EA IV:XXI + XXII). И все это в гробнице начальника столичной стражи — лица, подчиненного по службе правителю!

Таинственный сановник во всех случаях с бритой головой, в длинной складчатой одежде с рукавами, перехваченной посередине пышным передником (EA I:XXV = XXX уцелели только голова и плечи). У Ая (EA VI:XXIX = XLIII) и жреца Ми-рэ (EA I:XXV =

= XXX) голову этой особы обвивает еще повязка.

Возможно, что великий сановник был изображен в самой царской гробнице. В числе оплакивающих во дворце только что почившую вторую дочь фараона стоит очень скромно, совсем в стороне правитель, а впереди него — трое мужчин с бритыми головами и в длинных одеждах с рукавами, перехваченных передниками. У первого мужа на голове повязка. По воспроизведению от руки она имеется и у третьего мужчины (MSECAE I:VII), однако на снимке (MSECAE I:IX) ее нельзя распознать. Естественно предположить, что первый муж, стоящий к тому же несколько особо от двух других, все тот же великий безымянный сановник. Те двое могли бы быть верховными жрецами главного храма солнца: «великим (среди) видящих Йота в доме Йота в Ах-йот» и «рабом первым Йота в доме Йота в Ах-йот» (см. § 211). Но всего скорее они были вместе со своим старшим товарищем «теми, кто в хант», поскольку эти сановники тоже ходили с бритой головой и одежда на них бывала такая же и могло быть их несколько.

Кто же этот вельможа из вельмож, первенствующий сановник фараона, затмевающий самого правителя? Конечно, это не Айа, нареченный свойственник фараона. «Отец божий» нигде и никогда не появляется с непокрытой бритой головой, да и при награждении его царем толпу вельмож возглавляет не кто иной, как сам загадочный незнакомец (EA VI:XXIX = XLIII). С бритой головой ходят жрецы солнца; на одном изображении у его верховного жреца Ми-рэ даже повязка вокруг головы (EA I:XXV = XXX). Но великий сановник явно не верховный жрец Йота, потому что присутствует при возведении Ми-рэ в верховные жрецы (EA I:VI = VIII) и при награждении того за попечение о храме (EA I:XXV = XXX). Второстепенные жрецы солнца вроде Пи-нхаса (EA II) или Пенчев (EA IV) явно не стояли бы впереди всех сановников, в том числе правителей.

Но есть еще вельможи, не покрывавшие бритых голов накладными волосами. Таковы царский стольник П-рен-нуфе и «тот, кто в хант» Туту. Первый ходил с голой головой (EA VI:III = VIII, IV = X, ср. II, V, VI) в видах опрятности, так как прислуживал царю за едою (ср. EA VI:VI), второй был царским жрецом (см. § 213). Но у обоих, помимо бритых голов, есть еще одна общая черта. Только в их двух гробницах из числа всех тех, где во главе сановников стоит правитель, впереди него не видно никого еще более первенственного (EA VI:IV = X, XVIII, XX). Хотя голова у П-рен-нуфе в одном случае даже обвита повязкою (изображение, впрочем, повреждено, EA VI:V), тем первенственным сановником он быть не может: для этого размеры его гробницы слишком скромны (EA VI). Ну, а как Туту? Может быть, он тот сановник? Ведь у него не один раз, как у П-рен-нуфе, а целых два (EA VI:XVIII, XX) впереди правителя нет никого более важного? Не потому ли и нет никого, что тот великий сановник и есть сам Туту, при награждении которого присутствуют прочие вельможи во главе с правителем?

Туту по большей части в том самом наряде, который носит и великий сановник: в длинной складчатой одежде с широкими короткими рукавами, перехваченной посередине пышным передником (EA VI:XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX); в таком же переднике, но без рубашки, обнаженный по пояс (EA VI:XII два раза, XIV, MSECAE I:LVI, LIX), но все эти воспроизведения, особенно два последние, желательно было бы проверить; верхняя часть туловища обнажена, но передник как будто не был пышным (EA VI:XV); как и EA VI:XII, XIV, последнее изображение небольшого размера. Подобно таинственному вельможе Туту всегда с бритой головой (EA VI:XII два раза, XIV, XV два раза, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX). Единственные исключения, если положиться на издание, не всегда слишком точное (MSECAE I:LV и LIX), где в первом случае у Туту накладные волосы, а во втором голова не то коротко стрижена, не то обтянута плотно облегающим ее чепцом (в обоих случаях на темени укреплен так называемый жировой конус).

Стоит, быть может, упомянуть и то, что гробница Маху, где великий сановник особенно бурно развивает служебную прыть (EA IV:XX, XXI + XXII), соседит с гробницею Туту (EA IV:XIII).

Все, что можно возразить против тождества загадочного вельможи с Туту, сводится

к отсутствию на его изображениях головной повязки, которую мы трижды видим у того сановника: в гробнице Ая (EA VI:XXIX = XLIII), в гробнице жреца Ми-рэ (EA I:XXV = XXX) и в царской гробнице (MSECAE I:VII = IX). Но в остальных случаях — а их все-таки большинство — голову великого сановника никакая повязка не обвивает: в гробнице того же Ми-рэ жреца (EA I:VI = VIII), в гробнице домоправителя Ми-рэ (EA II:XXXIII = XXXV) и дважды в гробнице Маху (EA IV:XX, XXI + XXII). В этих случаях ничто не отличает великого вельможу от Туту.

Однако одних внешних признаков никоим образом не достаточно для отождествления загадочного сановника с Туту. У Туту, бесспорно, была большая богатая гробница, одна из самых видных на кладбище в Ах-йот, но было ли его положение в государстве настолько высоким, что он оказывался стоящим выше самого правителя? Кто был Туту?

ВРЕМЕНЩИК ТУТУ

Из клинописных писем, которыми обменивались египетский двор и подвластные ему царьки Сирии — Палестины, давно и хорошо известно имя некоего сановника, на клинописный лад «Дуду», оказывавшего заметное влияние на взаимоотношения Египта и его сиро-палестинских подданных. Обыкновенно это влияние расценивается как зловещее и роковое для египетского господства на севере, поскольку перед «Дуду» заискивали как раз те круги, чье двуличное поведение вело к отложению севера от Египта и переходу под власть Хатти.

Г. Штейндорфф³ в 1890 г., Н. де Гарис Дэвис в 1908 г.⁴ и затем в 1920 г. Х. Ранке⁵ показали тождество этого Дуду с известным вельможею Амен-хотпа IV Туту, которого богатая гробница еще в прошлом веке была обнаружена в скалах за солнцепоклоннической столицей. Основанием для отождествления послужила незаконченная надпись во внутреннем помещении гробницы (EA VI:XIX). В ней, действительно, ясно и определенно говорится о деятельности Туту по части иностранных дел, тогда как в гробницах других вельмож о подобной деятельности ничего не сказано. Вот эта надпись:

«Тот, кто в хант (об этом важнейшем звании Туту см. ниже — Ю. П.), Туту, сказывает: „О, [руково]дители (?) ока всякого (т. е. всех людей), писцы, [знающие] службу свою, (жрецы-)чистители большие дома Йота, (жрецы-)ра[б]ы Йота, сановники — — — царя (?), которых сердца искушены в жизни, хотящий всякий достичь старости, соединения (с) землю, погребения добрым (образом), (когда) бывают сыты жизнью! Послушайте себе (на пользу)! Войдите во двор мой (т. е. в мою гробницу), поглядите (на) большое, сотворенное мне! Я — раб Ва-н-рэ, властителя, живущего правдою. Сопровождал я его, когда утренивал он (т. е. поднимался рано), чтобы пожал[овать ме]ня, потому что творил я вышедшее из уст его. Не скрывал я (чего-либо) про случай неисправности в поручении всяком величеств[а] его. Был (я) устами верховными (т. е. верховным распорядителем) земли до края ее в войске, работах, ремеслах, оке всяком живом равно, как и мертвом (?), т. е. во всех решительно людях), — — — уполномоченные нагорий (т. е. чужеземных стран) всяких, я — докладывавший слова их во дворец, (когда) был я в — — — повседневно. [Вых]одил я к ним как уполномоченный царя с распоряжением всяким величества [его]. [Руководил я (?)] работами над [па]мятниками его, (когда) был я первым в должности того, кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ — — — “».

Заведывание сношениями с иноземцами отмечено в надписи настолько ясно, что сомневаться в тождестве Дуду и Туту, разумеется, не приходится. О тождестве свидетельствует и необыкновенно высокое положение того и другого. Ведь неспроста сирийский владетель унижался перед египетским вельможею, величая его «отцом»: он уповал на него, на его всемогущее заступничество. И действительно, значение Туту согласно

³ Steindorff G. Die keilschriftliche Wiedergabe ägyptischer Eigennamen // Beiträge zur Assyriologie: Bd I. 1890. S. 331. Anm. *

⁴ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. London, 1908. P. 14.

⁵ Ranke H. Keilschriftliches // ZAeSA. 1920. Bd 56. S. 69–71.

египетской надписи, далеко не сводилось к посредничеству в иностранных делах: он был «уста́ми верховными земли до края ее (т. е. всего Египта) в войске, работах, ремеслах, ое всяком живом, равно как и мертвом (т. е. решительно во всех людях)». Ничего подобного не сообщает о себе никто другой из сановников Амен-хотпа IV, никто из них не величает себя «уста́ми верховными» страны. Подобные «уста́» могли, конечно, ходатайствовать пред царем даже за владетеля, чья верность Египту вызывала сомнения.

Обозначение «уста́ верховные земли до края ее» не представляло обобщения отдельных званий Туту. Среди его должностей только три имеют отношение к управлению страной в целом: «распорядитель приказаний всех владыки обеих земель» (EA VI:XV), «распорядитель работ всех величества его» (EA VI:XV), «распорядитель серебра (и) золота владыки обеих земель» (EA VI:XV). Должность «распорядителя дома белого — — — солнца в доме солнца в [Ах-]йот» (EA VI:XII + 15) имела, очевидно, отношение лишь к хозяйству главного храма столицы — к его хранилищу всякого рода ценностей. Но и из трех общеегипетских должностей последняя вряд ли имела прямое касательство к обозначению Туту «уста́ми верховными земли до края ее», так как означала только заведование серебром и золотом. Такое касательство могли иметь две другие общеегипетские должности: «распорядитель приказаний всех владыки обеих земель» и «распорядитель работ всех величества его», но, видимо, Туту не придавал им большого значения, потому что каждая засвидетельствована в его гробнице всего лишь по разу, несмотря на то, что титла его в ней представлены в избытке. Да и сама должность распорядителя работ не превращала еще ее носителя в «уста́ верховные» всей страны, не исключая войска. Майа величался «распорядителем работ всех царя», может быть, даже «распорядителем [работ] в (?) земле до края ее» (EA V:II, ср. 5), однако его начальство над войском выражало другое его звание: «распорядитель войска владыки обеих земель» (EA V:II один или два раза, IV три раза). Равным образом в надписи подле Хине, повествующей о сооружении «солнечного столпа большого» новому богу, сказано о распоряжении «согнать работы все, начиная от Йэба (на крайнем юге страны) вплоть до Перамуна (на крайнем севере), (и) предводителей войска», т. е. отдельно рабочих и отдельно воинов (DAeAe III:CXi = ASAE III:263 = TTA:144 CXXXVII = U18D:1962). Вряд ли также должность распорядителя работ сообщала власть над ремеслами. Что ее обозначало другое полуразрушенное звание Туту, тоже невозможно утверждать, так как восстановить поврежденное слово, следующее за званием «распорядитель», в смысле «ремесла», «ремесленники» «распорядитель [ремесел]» или «распорядитель (ремесленников)», с уверенностью нельзя (EA VI:XII).

Нет, в звании «уста́ верховные земли до края ее» не были обобщены или подытожены отдельные должности Туту. Это звание выражало какое-то совсем особое его положение в государстве. Вот Майа был и «распорядителем работ всех царя» и «распорядителем войска владыки обеих земель», но стоит сравнить его жизнеописание с приведенным рассказом Туту о себе, чтобы почувствовать, как далеко было Майа до Туту: Майа — благоденствующий сановник, Туту — повелитель Египта (жизнеописание Майа переведено в другой работе; к сожалению, конец жизнеописания, замазанного после падения Майа, не был расчищен).

Понять, насколько исключительным было положение Туту в государстве, помогает речь царя, к несчастью сильно поврежденная, при награждении Туту доходами с различных чинов царства: с сановников, военачальников, жречества.

«Сказанное царем, живущим [пра]вдою, владыкою обеих земель [Нефр-шепр-рэ Ван-рэ санов]ник[ам] (и) предводителям войска, которые стоят пред фараоном — жив, цел, здоров! — ; „Сердце мое (желает) сотворить случай выделяющийся пожалования... — — людей. Не слышал он [по]жалования (?) его, сотворенного другому сановнику его. Сотвор[ено(?)] тому, кто в хант, Туту, из любви (к) нему фараона — жив, цел, здоров! — , его владыки. Вот я даю, (чтобы) — — — начальники луков (т. е. полков), распорядители коней, писцы царевы, распорядители войска, распорядители (воинских) частей всех нагорий (т. е. иноземных стран всех), [прово]жатые домов фараона — жив, цел, здоров! — , раб йотов всякий Йота (т. е. все жрецы Йота) в — — — всяк — — — Верховье (и) Низовье. Приказал

фар[аон] — жив, ц[ел], здоров! —, его владыка добрый, (чтобы) давали сановники все большие (?) земли до края [ее] даваемое ему: [се]ребро, золото, — — — одежды, сосуды из меди. Будут они на в[а]с, как определенное (?) — — — замысел, который [фара]он — жив, ц[ел], здо[ров]! — сотворил для раба большого фараонова — жив, цел, здоров! Не знал сановник сотворенн(ого?) им его товарищу. Нашли его супротив (?) его в — — — Услышат это (?), говоря (? — читай: на (говорении)?): ”Глядите, фараон — цел, жив, здоров! — его владыка [до]брый, дал (указание) своим сановникам большим, равно как и сановнику всякому, созданному фараоном — жив, цел, здоров! — в земле до края ее, давать ему (т. е. Туту) серебро, золото, одежды, сосуды из меди, скот (?) каждый год²⁻⁷» (EA VI:XVII + 11 + MSEC AE I:LX = отчасти 120).

Среди внешне царской речи изображены правитель (верховный сановник), высокие придворные чины — носители веера, бритоголовые жрецы. Тут же на царский двор ведут быков, несут сосуды и другое добро. Затем, уже вне дворцового двора, Туту обращается с речью к толпе должностных лиц, в то время как к нему, теперь в направлении от дворца, ведут быков, несут сосуды, ларец и другие вещи. К сожалению, и эта речь тоже повреждена.

«Тот, кто в хант, Туту, сказывает он — — — всем, — — — дома всякого (?) — — — фараон[а] — жив, цел, здоров! —, начальникам луков (т. е. полков), распорядителям коней, распорядителям — — —, рабу всякому (в подлиннике ошибочно „твоему“) йотову Йота (т. е. всем жрецам Йота) — — — в земле до края ее — — — дома Йота, людям — — — фар[аон] — жив, цел, здоров! — мой [владыка] — — — большое, пожалование [Нефр-шепр]-рэ В[а-н-рэ] своему рабу большому (?) (в подлиннике „[е]го“?), который слушал [е]го поучение доброе жизни. (Что) до вещей, данных им (?) [мне] (?) как подать на — — —, чтобы выделить меня пожалованиями супротив жалуемого его всякого» (EA VI:XVIII + MSEC AE I:LXI).

Может быть, Амен-хотп IV передал Туту часть своих поступлений с гражданских, военных и храмовых должностных лиц. На это могло бы указывать трудно объяснимое иначе появление быков, утвари и т. п. на царском дворе, а также учет четырьмя писцами в присутствии царя, видимо, этих самых ценностей: такие писцы ведут как раз запись наградам, отпущенным вельможам царем из своего имущества (EA I:VI = VIII, XXV = XXX, EA II:XXXIII = XXXV, XXXVII = XXXVIII, EA III:XVI, EA IV:VI, VIII = IX, EA VI:IV = X, XVIII, XX, XXIX = = XCIII).

Положение Туту в государстве было необыкновенным. Наименование «уста верховные земли до края ее» выражало то вполне определенно, однако оно не было должностным званием. Туту обозначен так в ходе повествования о себе, наименование находится в составе не титула, а поветствовательного предложения, и употреблено не самостоятельно, а в связи с последующими словами: «Был (я) устами верховными земли до края ее в войске, работах, мастерах, оке всяком (т. е. всяком человеке), живом, равно как и [мер]твом». Титл в гробнице множество, но ни в одном из них Туту не назван «устами верховными земли до края ее». Да и употреблено это обозначение в его гробнице всего один раз.

Наименование «уста верховные земли до края ее» не было должностным званием Туту. Его же управленческие звания ни в коей мере не были такими всеобъемлющими и, видимо, не слишком ценились их носители. Ведь не более как по разу употреблены в гробнице эти звания: «распорядитель приказаний всяческих владыки обеих земель», «распорядитель работ всех величества его», «распорядитель серебра (и) золота владыки обеих земель», «распорядитель дома белого (т. е. казнохранилища) Йота в доме Йота в [Ах]-йот» (EA VI:XV, XII + 15). Но тогда какое же должностное звание отражало необыкновенное положение Туту, какая должность сообщала ему подобное положение? Очевидно, та самая, которую он особенно гордился, которую он неустанно называет в своей гробнице.

В четырех титулах и дважды вне титула Туту объявляется верховным жрецом царствующего фараона: «раб (бок) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в [ла]д[ье] (?) в доме Йота в Ах-йот» (EA VI:XX), «раб [пе]рвый Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ] в ладье в доме Йота в Ах-йот» (EA VI:XX), «раб первый [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] [в ладье в до]м[е] [Й]ота в Ах-йот» (EA VI:XIX), «ра[б] первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье» (EA VI:XIV), «раб первый Нефр-

шепр-рэ Ва-н-рэ в [ладье в (?)] дом[е] Йота в Ах-йот» (ЕА VI:XV), «раб первый [царя (и) государя, владыки обеих земель (?)] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (ЕА VI:XVII). Туту придавал большое значение этому своему сану. Получение его от фараона он изобразил в гробнице рядом с представлением ему царем доходов с государственных и храмовых чинов, притом не менее, если только не более обстоятельно (ЕА VI: XIX–XX). К Туту, которого увешивают наградными золотыми ожерельями, царь обращается из дворцового окна с установленной речью: «[Сказанное царем (и) государем], живущим правдою, владыкою обеих земель [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] тому, кто в хант, Туту: „Вот, я даю тебя мне в раба первого [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] [в ладье в до]м[е] Йота в Ах-йот. Твор(ю я) это те(б)е из любви (к) теб(е), сказывая: ”Ты — мой послушатель зова (т. е. слуга) большой, который слушает поучение, что (относится) к (этому). Поручение всякое, которое ты творишь, сердце мое удовлетворяется им”. Даю я те(б)е должность сказывая: „(Да) ешь ты пищу фараона — жив, цел, здоров! — твоего владыки, в доме Йота”» (ЕА VI:XIX). Обращение совершенно такого же рода⁶ вложено в уста царю на изображении назначения Ми-рэ верховным жрецом солнца (ЕА IV = VIII, 22(2)). При выходе из дворца Туту принимает приветствия подчиненных, к которым в свою очередь обращается с речью: «Прославление — — — царя (и) государя Нефр-шепр-рэ В[а-н]-рэ тем, кто в хант, Туту, назначенным рабом первым Нефр-шепр-рэ В[а]-н-рэ в [ла]д[ь]е в доме Йота в Ах-йот. Сказано тем, кто в хант, Туту, своим твердым (людям, т. е. доверенным) большим: „Взгляните (на) добро, (на) то, что сотворил мне фараон — жив, цел, здоров! — мой владыка. — — — [я(?)] сказыва[л(?)] правду, не доставлялась (т. е. не доносилась?) урезка (т. е. неисправности?) в поручении всяком моего владыки касательно (?) того, с чем был послан я. (Я) творил согласно вышедшему из уст его”» (ЕА VI:XX).

Таким образом Туту подвизался на царской службе еще до назначения верховным жрецом царя. Это назначение было наградой за нее. Туту ценил свою верховножрецескую должность выше своих управленческих должностей. Если те упомянуты в его гробнице не более как по одному разу каждая, то «рабом первым» царя Туту назван четыре раза в составе титл и два раза вне их. Тем не менее не эта должность была главной у Туту. В гробнице насчитывается тридцать титл Туту, и в двадцати семи из них Туту величался «тем, кто в хант» (ЕА VI:XII два раза и, несомненно, еще раз в разрушенном виде, XIII четыре раза, XIV четыре раза, XV пять раз, XVI один раз, XVII два раза, XVIII один раз, XIX три раза, XX три раза, XXI один раз). В девятнадцати случаях одно это звание только и предпослано имени (ЕА VI:XIII четыре раза, XIV два раза, XV четыре раза, XVI один раз, XVII один раз, XVIII один раз, XIX три раза, XX два раза, XXI один раз). В четырех случаях званию «(тот), кто в хант» и имени предшествует еще звание «раба первого» фараона (ЕА VI:XIV XVII, XX), в одном случае — почетное обозначение «жалуемый бога доброго» (ЕА VI:XIV); в двух случаях и, несомненно, еще в одном звании «(тот), кто в хант» само предшествует одному из управленческих званий (ЕА VI:XII). И только три титла обходятся одним управленческим званием и именем без упоминания должности «(того), кто в хант», однако и тут последующие три соседних титла содержат все перед именем одно только звание «(тот), кто в хант» (ЕА VI:XV).

Таким образом, звание «(тот), кто в хант» было главным должностным обозначением Туту. Но что означало это звание?

Оно засвидетельствовано начиная со времени Старого царства вплоть до поздних времен, но нельзя сказать, чтобы смысл его был ясен. Здесь не место исследовать судьбы этого звания на протяжении долгих веков до и после Амен-хотпа IV, но на употреблении его при царе-солнцепоклоннике необходимо остановиться.

Туту не был единственным носителем загадочного звания при солнцепоклонническом дворе. На обломке из солнечного храма в Нэ, найденном в Апе, уцелели четыре стоячие строки с титлами трех таких должностных лиц, составлявшие несомненно, приписки к их изображениям: «[Тот, кто] в хант, [Нефр]-шеп[р-энэх (?)]», «Тот, кто в хант, Амен— —», «Слуга божий первый (т. е. верховный жрец) [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-

⁶ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. P. 12. № 3.

рэ] — — — (?), тот, кто в хант, Амен — — —» (ASAE XXXV:45). О двух последних сановниках в дальнейшем ничего более не слышно, но первый может быть тождественным с «тем, кто в хант, Нефр-шепр-энэх», упомянутым в качестве управляющего «[мясозаготовительным заведе]нием Йота» на сосуде с заготовками из Ах-йот (СА III:XCІ 188).

Возможно, что второй или третий сановник — одно лицо с деятелем конца предшествующего царствования «(тем), кто в хант, Па-амуном», названным на сосуде с мясными заготовками от 37 года царствования Амен-хотпа III (JNES X:XII 164). «Тем, кто в хант» был также Пенчев, «писец царев, кто в головах (у) царя, раб (т. е. жрец) первый Йота во дворе Йота в Ах-Йот, великий (среди) врачей», чья скромная гробница дошла до нас в скалах позади солнцепоклоннической столицы (звание «тот, кто в хант» — EA XV:II два раза, IV). Но имя «Пенчев» не могло быть сокращением какого-либо имени в честь Амуна.

Трудно себе тоже представить, чтобы имя «Туту» могло быть сокращением имени, заключающего в себе слово «Амун». Вдобавок и некоторые скорописные написания имени «того, кто в хант, Туту» отнюдь не благоприятствуют признанию в этом имени сокращения. Правда, в одних случаях имя сановника передано в скорописи так же, как в надписях, одними буквами: *t-w-t-w* (СА II:LVIII 51, СА III:XCІ 189, ср. СА III:XCIV 262, а также имя некоего [Т]уту, возможно, того же сановника, СА I:LXIV 39). Зато в других случаях за буквами следует определитель силы — мужчина с палкою, так что имя сановника, видимо, осмыслялось как производное от какого-то, ближе нам не известного глагола (СА III:XCІ 185, 186 с пропавшей третьей и четвертой буквами, 187, где буквы разрушены, но от знака бьющего мужчины остались следы). Таким образом, в Туту никак нельзя видеть одного из двух сановников с именами в честь Амуна, упомянутых на обломке из Апе. Впрочем, вторым из них Туту не мог быть и потому, что тот был не только «(тем,) кто в хант», но и верховным жрецом фараона, тогда как Туту получил подобную должность уже «в доме Йота в Ах-йот» (см. выше).

Но если должностных лиц со званием «(тот), кто в хант» и в начале царствования и позже могло быть несколько и некоторые из этих лиц явно не занимали такого положения, как Туту, не следует ли отсюда, что своим положением он был обязан не этому званию? Однако такой вывод не может быть правильным. Не только Туту пользуется этим званием как главным и часто единственным своим должностным обозначением, но и сам царь во вложенной ему в уста речи к сановникам величает обогащаемого за их счет Туту только «(тем,) кто в хант» (EA VI:XVII, см. выше). Видимо, именно это звание предоставляло возможность головокружительного возвышения. Спрашивается только, каким образом?

Судя по изданным по сию пору скорописным пометкам на посуде с заготовленным впрок мясом и жиром, заведениями ахе («небосклонами»), занимавшимися такими заготовками, ведали три или четыре вида сановников: «великий (среди) видящих Йота» (TEA:XXIII 47, СА III:XCII 210, XCIII 231, XCIV 249); разноименные «писцы царевы» — Ах-мосе (TEA:XXIII 44), Анийя (TEA:XXIII 56), Б (?) — — — (СА III:XCIV 251), — — — (СА III:XCIV 252); «отец бога», т. е. Ая, молочный «отец» фараона (в качестве мужа кормилицы царицы Нефр-эт; СА III: XCII 196, 197); «(те,) кто в хант», — Туту (TEA:XXIII 48, СА III:XCІ 185, 186, 187, где от имени уцелел один знак бьющего мужчины, да и то в более чем поврежденном виде; должно быть, также СА III:XCIV 262 и — с пропавшим названием заведения — СА III:XCІ 189), Нефр-шепр-энэх (если восстановить «[ах]е Йота» — от «ахе» уцелел знак дома, СА III:XCІ 188). Возможно, что «отца бога» не следует выделять особо, а надобно причислить к «писцам царевым», так как Ая много охотнее, чем свои воинские звания, прилагал к себе обозначения «писец царев исправный, возлюбленный его» (EA VI:XXIV шесть раз, XXV пять раз, XXXI три раза, XXXII шесть раз, XXXIII два раза, DAeAe III:Cvд = DAeAeT II:143, AeISMb II:268 = TTA:176 CCVI два раза, ср. JEA XVIII:52).

Что все это не случайность и управление мясозаготовительными заведениями действительно сосредоточивалось в руках вышеназванных сановников, подтверждают другие производственные пометки, не сохранившие названия заведения, но явно относящиеся к мясным заготовкам. Чаще всего тут бывает назван «великий (среди) видящих» или — полнее — «великий (среди) видящих Йота» (TEA:XXV 99, СА II:LVIII 33,

СА III:XCII 193, 195, 209), но упоминаются также «писец царев П – –» (СА III:XCIII 190a) и «отец бога» (СА III:XCIV 253).

При этом поручение управления «небосклонами» (ахе) царским писцам и «тем, кто в хант», было не нововведением солнцепоклоннического царствования, а наследием последних лет Амен-хотпа III. По скорописным пометкам на заготовках мяса и жира, найденным во дворце этого царя в Чэме «небосклонами» (ахе), заготавливавшими впрок жир и мясо, управляли «писцы царевы»: Майа (JNES X:X 130), Амен-мосе (JNES X:X 132), Хее (JNES X:XI–XII 140,160,161), Хайа, сын Хитайа (JNES X:XI 142), «(те,) кто в хант»: Тхут-мосе (JNES X:X 131, 158), Па-амун (JNES X:XII 164), Пай (JNES X:XII 163), – – – (JNES X:X 123), в одном случае, если верить передаче издания, некий «мастер» (читай: «стольник»?) П-нуфе (JNES X:XII 159). К «писцам царевым» надо отнести, вероятно, еще управляющего «небосклоном» Ах-мосе, чье звание разрушено (JNES X:XI 134), а также «писца царева Ах(?)–мосе» (JNES X:XI 143) и «писца царева Хайа, сына Майа» (JNES X:XI 143 A), чьим титлам предшествует странное написание, которое, надо полагать, читалось «небосклон» — «ахе». С «(тем,) кто в хант, Тхут-мосе» двух вышеназванных пометок несомненно тождествен управитель «небосклона» Тхут-мосе, поименованный без звания в другой пометке (ММА ЕЕ 1916–17:8) из того же дворца Амен-хотпа III, от того же 34 года его царствования, притом вместе с тем же резником Кайа, что и в одной из них (именно JNES X:XII 158). Впечатление от сравнения пометок обоих царствований еще усилится, если мы привлечем пометки из дворца Амен-хотпа III последних его лет, относящиеся к заготовкам жира, но не называющие заведения ахе. В трех случаях мы найдем на положении управителей этих заведений все тех же «писцов царевых» (Хревеф — JNES X:50 X 121, Райа — JNES X:XI 136, Ч – – – JNES X:XI 139) и один раз даже «великого (среди) [видящих]» (?) (JNES X:40 XI 124), однако последнее совпадение не более как случайность: верховный жрец солнца в столице Амен-хотпа III совсем не представлял той хозяйственно-управленческой величины, какую являлся в солнцепоклоннической столице верховный жрец Йота.

Что верховный жрец в Ах-йот — «великий (среди) видящих Йота» — заведовал заготовлением впрок мяса, было в порядке вещей, потому что хозяйство солнца было подведомственно его верховному служителю (ЕА I:XXV = XXIX–XXXII). «Писцов царевых» мы встречаем на положении управляющих и в другой отрасли хозяйства: в садоводстве — виноделии (Ах-мосе — СА III:LXXXIX 128, Хайа, сын (?) Хее (?) — СА III:LXXXVI 48, LXXXIX 123). При этом один из них — Ах-мосе, наверно, тождествен с одноименным «писцом царевым», ведавшим мясными заготовками (ТЕА:XXIII 44). Однако «(тех,) кто в хант» на положении хозяйственных руководителей из числа сотен и сотен изданных пометок называют лишь те, что относились к заготовкам мяса и жира. И это справедливо как для времени Амен-хотпа IV, так и для последнего десятилетия царствования его родителя. Вино, растительное масло, мед, ладан и ряд других припасов заготавливались при Амен-хотпе IV впрок вообще без указания в производственных пометках особого назначения. Напротив, в пометках на мясных и жировых заготовках всюду, где сохранность надписаний позволяет суждение, такое назначение бывает указано. И предназначаются эти мясо и жир чаще всего для «праздника Йота, именно рождения Йота», но также для «праздника вечности» (СА III:XCII 185, ср. XCII 193), «праздника вековечности» (СА III:XCII 196, ср. 198), «праздника длительности» (СА III:XCII 197) или просто для «службы постоянной (т. е. ежедневной)» (СА III:XCII 204, 206, ср. 205, ср. также ТЕА: XXIII 48).

Таким образом участие занимающих нас сановников — «тех, кто в хант» в хозяйственной жизни, в той мере, как она отражена в пометках, ограничивалось при Амен-хотпе IV надзором за заготовкою мяса и жира для храмовых праздничных и повседневных служб. В отличие от «писцов царевых» «те, что в хант» ни разу не названы в качестве лиц, ответственных за виноградарство/виноделие, произведения которого предназначались не только для храмовых служб. Мне, по крайней мере, неизвестно ни одной пометки, где вино было бы заранее предназначено для храмовых праздников или служб, и огромное количество винных пометок было обнаружено вне храмовых построек. Не означает ли все это, что

сановники Амен-хотпа IV в качестве «тех, кто в хант» действовали по храмовой части, были должностными лицами, в этом своем звании тесно связанными с храмами?

И действительно, стоит им появиться на изображениях в солнцепоклонническом храме Нэ, как они обязательно окажутся участниками не каких иных действий, как именно храмовых обрядовых шествий.

На камне JEA V:VIII = SPAW 1919:477 из солнечного храма в старой столице фараон слева приносит жертву многорукому лучистому солнцу, а справа шествует в его лучах. Солнце снабжено уже титлом II вида (см. § 35), но царя все еще называют «[Амен-хотп] Нуте-[ху]к-[висе]»⁷. Он оба раза в своеобразном облачении «празднества тридцатилетия». Справа царю предшествуют, глубоко склонившись, двое мужей, из которых первый — «[великий среди видящих Ра-Хар-Ахта, ликующего] в небосклоне [в имени своем как Шов, который (есть) Йот, в доме [Рэ]⁸ в Оне Верховья»⁹, а второй — «установщик („тот, кто со свитком“) главный (?) — — [владыки] обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ — — (?) [владыки] венцов [Амен-хотпа] Нуте-[ху]к-[висе]». За царем следует, тоже глубоко склонившись, «тот, кто в [хант], слуга божий (т. е. жрец) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ». Как оба раза у царя вокруг его белого венца, так и у установщика и «того, кто в хант» вокруг голов повязка со свешивающимися сзади концами (голова верховного жреца солнца разрушена). Однако у установщика она повязана поверх (накладных) волос, тогда как «тот, кто в хант» с бритой головой. И одет он только в короткое опоясание с передником, в то время как на установщике еще рубашка с рукавами (верхняя часть туловища «великого (среди видящих) пропала). Тем самым «тот, кто в хант» имеет куда более жреческий вид, чем сам главный установщик. Однако то, что несет в руках «тот, кто в хант», придает ему с его бритой головой и обнаженной верхней частью туловища скорее вид слуги: в правой руке у него палка с надетою на нее обувью (надо полагать, царскими сандалиями), в левой — ларчик или скамеечка. Установщик держит только свиток. Заметим, что «(тот,) кто в хант» даже идет позади царя, как следовало слуге, несущему за хозяином его дорожные принадлежности.

Остатки сходных изображений сохранились на двух камнях из пригорода Нэ (RFM 1932:24, 26 = 62). На них за царем, шествующим в лучах многорукого солнца и облаченным в одежду «празднества тридцатилетия», следовал опять-таки «тот, кто в хант». На первом камне его изображение частично уцелело: он и здесь с бритой головой, без рубашки, со скамеечкой в руках и идет тоже глубоко нагнувшись. На другом камне уцелела разве лишь часть его бритого темени. Надпись над царским провожатым сохранилась на первом камне полнее: «Тот, кто в хант, слуга божий (т. е. жрец) первый Нефр-[шеп]р-[рэ] Ва-н-рэ»; на втором камне имя царя отбито. Следовательно, надпись над сановным провожатым была точь-в-точь та же, что и на камне JEA V:VIII. Совпадение изображений и надписей на нем и на камнях из пригорода позволяет с полной уверенностью отнести эти последние к тому же времени. «Исказительный» способ изображения царя (см. § 103), не доразвившийся еще, однако, до полного «обезображения» царского лица (RFM 1932:26), говорит о том же.

Можно думать, что к изображению царского «празднества тридцатилетия» относился и камень из Апе (ASAE XXXV 45). Уцелели остатки двух поясов изображений стоящих или шествующих сановников. В нижнем поясе сохранились верхи стоящих строк над полностью пропавшими изображениями трех сановников: «[Тот, кто в] хант, [Нефр]-шепр[-энех (? — см. выше)]», «Тот, кто в хант, Амен — — —», «Слуга божий первый [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ], тот, кто в хант, Амен — — —». В верхнем поясе видны лишь остатки трех ног и имя одного из их обладателей — «Ми-рэ».

Таким образом, не подлежит сомнению, что «те, кто в хант» в последнее время пребывания двора в старой столице имели прямое отношение к обрядам, связанным с особою фараона. Один из них, состоявший одновременно его верховным жрецом, принимал самое деятельное участие в фараоновском «празднестве тридцатилетия»,

⁷ Schäfer H. Die Anfänge der Reformation Amenophis' IV // SPAW. 1919. S. 477–484; ср. добавление F. Ll. Griffith к статье: Weigall A. The mummy of Akhenaten // JEA. 1922. V. 8. P. 199–200.

⁸ Schäfer H. Op. cit. S. 477.

⁹ Doresse M. Les temples atoniens de la région thébaine // Orientalia. 1955. V. 24 (n. s.) P. 123–126.

занимавшем такое видное место в тогдашних представлениях о солнце и его сыне¹⁰. Бритая голова этого сановника и скромный наряд соответствовали его жреческому званию, но могли бы быть поставлены в связь и со служительскими обязанностями этого лица при особе царя во время праздничного шествия (ношение скамеечки и обуви): слуги ведь тоже брили голову и довольствовались опоясанием без рубашки (главный уставщик на камне JEА V:VIII, хотя и жрец, но с длинными накладными волосами и в рубашке). Однако вряд ли следовало бы противопоставлять или разграничивать тут обрядово-служительское и жреческое: служительски простые наряды и по-служительски — опрятности ради — выбритые головы были свойственны жрецам как раз как слугам своего божества. Высокопоставленные жрецы солнца в новой столице ходили с бритой головой и во храме и вне его (единственное исключение — EA II:XXIII, где «раб первый солнца в доме Йота в Ах-йот Пи-нхас» представлен за трапезой в семейном кругу с накладными волосами на голове). Но если они не правили храмовую службу, они появлялись в рубашках с рукавами, как другие вельможи (Ми-рэ — EA I:VI = VIII, XXV =XXX, XXXIV, XXXV, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XLI; Пи-нхас - EA II:IV, V, VII, VIII, X, XI, XXI, XXII, XXIII; Пенчев — EA IV:II, III, IV, VII, VIII, IX). Готовясь же править службу солнцу, храмовые сановники облачались в складчатое опоясание, оставляя верхнюю часть туловища обнаженной (Ми-рэ — EA I:XXII, ср. XXV = XXVII, X A = XIV; Пинхас — EA II:XII, XX, ср. XVIII; сомнительное исключение — при встрече царя во храме — в гробнице Пенчев EA IV:VI). Ср. также жрецов, встречающих прибывающего в храм царя (EA III:VIII = X, XXX, MSECАE I:I = ИДВ I:310 = ДМ I:5 = VMPh:104).

В новой столице «тот, кто в хант», Пенчев, состоял также «рабом первым Йота во дворе Йота в Ах-йот» (EA IV:II два раза, III, IV, VI, VIII) и «великим (среди) врачей» (EA IV:II три раза и один раз в поврежденном месте, III, IV, VIII в поврежденном виде). Таким образом, Пенчев был тоже жрецом — правда, главным жрецом солнца, а не царя, но зато в личном храме царской семьи¹¹, полном ее изваяний (CA III:185–187). Кроме того, Пенчев как «великий (среди) врачей» был еще получародеем и, надо полагать, при особе фараона — в качестве главного царского врачевателя.

Итак, «те, кто в хант» ведали заготовками мяса и жира для того или иного храмового праздника солнца, один из них был даже его главным жрецом; они самым деятельным образом участвовали в обрядах царского «празднества тридцатилетия», притом в жреческом наряде и с бритой головой, поставляли из своей среды верховных жрецов царской особы; иными словами, это были сановники, связанные с храмами и обрядовым служением фараону.

Но именно таким и предстает перед нами сам Туту. Большинство пометок на мясных и жировых заготовках для праздников и службы солнца связано с его именем. О его участии в «празднествах тридцатилетия» ничего, правда, неизвестно, но в жреческом обличье он постоянно появляется в своей гробнице. Он всегда или почти всегда с бритой головой (EA VI:XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, MSECАE I:LIX; единственные два исключения — MSECАE I:LV, LIX, однако издание не всегда отличается точностью). За отправлением храмовой службы Туту в гробнице, естественно, не показан, потому что он был жрецом фараона, а не Йота, а в гробницах Ах-йот изображали лишь царское служение солнцу. При желании об облачении Туту во время служения его владыке можно умозаключить по изображениям в гробницах других высокопоставленных жрецов, — Ми-рэ и Пи-нхаса. Однако Туту сам позаботился представить себя в жреческом виде. В отличие от тех трех своих сановников сотоварищей Ми-рэ, Пи-нхаса и Пенчев он изобразил себя даже вне храмовой обстановки в одном опоясании без рубашки (EA VI:XII, XIV, XV), что, конечно, не мешало ему тут же по соседству изобразить себя в полном вельможеском наряде (EA VI:XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX; вероятно, также MSECАE I:LVI, LIX). Наконец, сам Туту недвусмысленно говорит о своей службе «тем, кто в хант» как о священной деятельности: «Был я первым в должности (того), кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ»

¹⁰ См. Ю. Я. Перепелкин. Кэйе и Семнех-ке-рэ. С. 258–271.

¹¹ Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. Pt. 3. V. I: Text. London, 1951. P. 86.

(EA VI:XIX, стк. 10). Ср. слова собственного славословия царя его солнцу, имеющиеся в списке в гробнице Туту (EA VI:XVI, стк. 11–12): «Сын твой чист, творя жалуемое тобою (т. е. служение тебе), Йот, живой в явлениях своих!» (EA IV:XXXII).

Будучи «тем, кто в хант», Туту стал верховным жрецом особы фараона в главном солнечном храме. Но эта его жреческая должность нуждается в изучении не меньше, чем его более частое звание «тот кто в хант».

В самом деле, что значило звание Туту «раб (бок) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в Ах-йот», которое полностью восстанавливается из четырех надписей в гробнице (EA VI; XIV, XIX, XX два раза)? В какой такой ладье воздавал Туту поклонение своему повелителю в главном храме солнца в новой столице? На изображениях этого храма в гробнице самого Туту никакой ладьи не видно (EA VI:XX). Не видать ее и на изображениях главного храма в гробницах его верховного жреца Ми-рэ (EA I:X A = XI + XII, XXV = XXVI + XXVII + XXVIII + XXXIII) и его старшего жреца Пи-нхаса (EA II:XVIII, XIX). Не заметно ее также на изображениях того же храма в царской гробнице (MSECAE I:I = ИДВ I:310 = ДМ I:5 = VMPH:104) и в гробнице Ах-мосе (EA III:XXX). Да и раскопки громадного храма в самом сердце солнцепоклоннической столицы не обнаружили ничего похожего на ладью (СА III). Тем не менее местом жреческой службы Туту был именно большой храм солнца — «дом Йота в Ах-йот», как то со всюю определенностью следует из самого звания Туту и как то наглядно представлено в его гробнице: по назначении его царем своим первым жрецом, Туту отбывает из дворца на колеснице в главный храм солнца, где его ожидает торжественная встреча (EA VI:XIX–XX).

Итак, на изображениях главного храма солнца в Ах-йот нельзя обнаружить никакого подобия ладьи, ни в отдельности, ни в связи с царскими изваяниями. Ее нет даже на изображении храма в гробнице самого верховного жреца «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье» Туту, притом на изображении, где он как раз направляется в храм отправлять свою новую должность! Но в таком случае «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье», может быть, вовсе не предполагает ни подобия ладьи, ни изваяния в ладье, а является лишь образным обозначением фараона в каком-то его особом свойстве? Нет ли чего еще о фараоне в ладье в солнцепоклоннической письменности помимо верховножреческого звания Туту?

Памятники солнцепоклоннического времени не раз упоминают «дом Неб-ма-рэ», т. е. храм умершего царя Амен-хотпа III. Военачальник Ра-мосе величает себя в своей гробнице в Ах-йот «распорядителем д[о]мовым (т. е. домоправителем) [до]ма Неб-ма-рэ» (EA IV:XXXV). За этим званием следует имя Ра-мосе, так что никакого определения за «Неб-ма-рэ» не было. Этого нельзя утверждать о производственных пометках из Ах-йот, сделанных на сосудах с видом «Дома Неб-ма-рэ». Пометки почти все отбиты после «Неб-ма-рэ» — непосредственно за ним или за многолетием «жив, цел, здоров!» (TEA:XXII 4, 7; СА III:LXXXV 17). Однако пометка, возможно, другого храмового хозяйства, сохранила продолжение и читается так: «[Год царствования] 10. Вино дома Неб-ма-рэ в ладье-(w^с) — — — [по]т[о]к[а] западн[ого] (т. е. западного рукава Нила). Начальник [сада (такой-то)]» (СА III:LXXXV 16). Таким образом, не только сам Амен-хотп IV, но и его отец Амен-хотп III получали храмовое почитание в качестве находящихся «в ладье». Уразуметь смысл последнего выражения помогают печати производств, оттиснутые на глиняных закупорках винных сосудов, найденных в том же Ах-йот.

На печати (TEA:XXI 22) надпись сохранилась полнее всего. Вверху сложный знак, изображающий сидящего с подобранными коленями, длинноволосого мужчину с пером правды в руке и солнечным кругом над головой, заходящий в пространство между носом и кормою плывущей по воде ладьи. Ниже слова: «вино д[ома]»; лежащая черта, уцелевшая под *n* (*j*), прилагательным принадлежности, несомненно верх знака «дома». Следовательно, речь шла о вине храма того египетского божества, которого обозначением служил сложный знак, вынесенный из почтения вперед, (наверх). Этот знак, составленный по способу так называемого «загадочного» или «играющего» письма, можно прочесть с полной уверенностью. Мужчина в плаще — *ниб* «владыка», перо в его руках — *мэ* «правда», солнце — *рэ* «Рэ», все вместе — «Владыка правды — Рэ», т. е. «Неб-ма-рэ» — престольное имя

Амен-хотпа III. Знак впушен в ладью, находится в ладье, иными словами, «Неб-ма-рэ в ладье». Следовательно, перед нами печать уже известного нам храма, только то, что в пометке (СА III:LXXXV 16) было написано по-обычному, в печати передано наполовину «загадочным» способом: «Вино дома Неб-ма-рэ в ладье». Так же как на печати ТЕА:XXI 22, «Неб-ма-рэ в ладье» написано на печатях СА III:LXXXII («Вино [дом]а Неб-ма-рэ») и СА III:LXXXII 75 («Ви[но дома] Неб-ма-рэ в ладье»); единственное отличие — борода у «владыки», которой на печати ТЕА:XXI 22, по меньшей мере, в издании не заметно. На печати СА III:LXXXII 77 («Вино [дома] Неб-ма-рэ в ладье») «владыка» тоже держит в руке перо и имеет как будто бороду, но голова у него в издании такая огромная, что это явно не голова, а солнечный круг, возможно, со свешивающимся спереди аспидом («бородую»). Настоящая голова, очевидно, «плечи», а излишние «ручки» под ними спереди — борода, а сзади — волосы. Так же надобно истолковать причудливого «владыку» с пером в руке и огромной расщепленной головой на печати СА III: LXXXII 78 («Вино [дома] Неб-ма-рэ»). На печатях СА I:LV, L, K, СА III:LXXXII 74 «владыка» в ладье изображен с бородою и солнцем над головою, но в руке не перо, а знак жизни. Тем не менее, читать все три печати надо несомненно так же, как предыдущие: «Вино [дома] Неб(-ма-)рэ». Вместо длинных волос у «владыки» (СА III:LXXXII 74) царский чепец, что, конечно, вполне подходило к Амен-хотпу III. «Владыка» (СА I:IV K) с длинными волосами, но у него (СА I:IV L) с головы сзади не свешиваются ни длинные волосы, ни кончик чепца. Чепец или округлый затылок без длинных волос наблюдается и у «владыки» в ладье на обломке печати ТЕА:XX 57; солнце над головою отбито, а в руке торчит лишь черточка от пера или значка жизни («[Вино дома] Неб-[ма(?)-]рэ»).

Не приходится сомневаться в том, что «играющее» написание «Неб-ма-рэ в ладье» изобразительно представляло человекоподобного египетского бога солнца с солнечным кругом на голове, плывущего в своей небесной ладье. На деле же то был Амен-хотп III в образе плывущего по небу солнца.

Имеется еще одна любопытная печать, найденная также в Ах-йот и подтверждающая, как нельзя лучше, только что сказанное — СА III:LXXXII 64. Вверху ее плывущая по водам ладья, а в ней круглое солнце и в нем сидящий с подобранными коленями мужчина (в плане) над лежачей черточкой. Мужчина очень похож на «владыку» с печати СА III:LXXXII 74: знак жизни, противно обыкновению, держится не на коленях, а у живота, бородка очень короткая, а на голове, по-видимому, чепец, а не длинная прическа. Две составные части «играющего» написания «Неб-ма-рэ» налицо: владыка, солнце; при желании можно даже усмотреть слово *мэ* «правда» в черточке под мужчиною. Однако, несмотря на все сходство со сложным знаком на печатях СА I:LV K, L и особенно СА III:LXXXII 74, сложный знак на печати СА III:LXXXII 64 нельзя читать «Неб-ма-рэ в ладье». И вот почему.

Ниже сложного знака на печати читаются слова: «блистательный», «вино Потока Западного»; самый низ печати отбит. Не может быть сомнения в том, что мы имеем дело с разновидностью хорошо известной печати: «Вино [дома] Йота блистательного Потока Западного» (низ печати, где должно было стоять слово «дом», повсеместно отбит — ТЕА:XXI 24, СА II:LVII E, СА III:LXXXI 61, 62, LXXXII 63). Что слово «дом» входило в название хозяйства, доказывают скорописные пометки на сосудах, найденные в Ах-йот и относящиеся, несомненно, к тому же установлению: «Год царствования 9. Вино доброе, доброе Потока [Западного] дом[а] Йота блистательного. Начальник сада Пее-шед[ев]» (СА III:XCIV 237), «Год царствования 14. Вино дома Йота блистательного Поток[а] Западн[ого]. Начальник поливного хозяйства Дейе — —» (СА II:LVIII 15). Слово «поливное хозяйство» в последней пометке вместо слова «сад» (см. § 113), равно как и кольца при слове «Йот» в первой пометке и дужка кольца перед тем же словом во второй пометке (см. § 16) доказывают, что годы царствования в обеих пометках, как и следовало ожидать, не Амен-хотпа III, а его сына. Обозначение солнца в обеих пометках выписано полностью и звучит «Йот», а не «Рэ», как можно было бы читать на печатях, где оно написано, видимо, за скудостью места или по довольно частому обыкновению еще предыдущего царствования

одним изобразительным знаком солнца. Таким образом, занимающую нас печать СА III:LXXXII 64 мы должны читать так: «Вино Потока Западного (следовательно, из западного Низовья) [дома] Йота блистательного».

Если б речь шла о Йоте как солнцепоклонническом божестве, то было бы очень трудно представить себе, чтобы внутри солнечного круга поместили человекообразное его изображение, притом в обличье, сильно смахивающем на фараоновское (короткая борода, похожий на чепец головной убор). Сходство этого солнечного человека, плывущего в ладье, с солнечным же Неб-ма-рэ в ладье на других печатях делает несомненным, что человек внутри солнечного круга в ладье не кто иной, как тот же Амен-хотп III. Тем самым подтверждается мнение К. Зете¹², еще не всеми разделяемое, что «Йот блистательный» в надписях времени Амен-хотпа III — он сам, а не небесное светило. Способ передачи на печатях сочетания «Неб-ма-рэ в ладье» и слова «Йот» в наименовании «Йот блистательный» приводит также на память, что имя «ладьи царя», в которой Амен-хотп III обновил искусственное озерко — «Йот блистательный внутри ее» — Х. Шефер¹³ и К. Зете¹⁴ и относили к плывущему в ладье «солнцу» — Амен-хот-пу III (заметим, что на некоторых из этих жуковиков «ладья царя» написано «полуиграющим» способом: «царь — знак ситовника» — плывет в ладье, U18D:1737).

Выходит, что обозначения «Неб-ма-рэ в ладье» и «Йот блистательный» как обозначения Амен-хотпа III имели в виду фараона в образе солнца, плывущего в своей ладье по небесным водам, т. е. фараона, отождествленного с солнцем в небе.

Такой смысл должно было иметь и наименование «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье», известное нам по титулу Туту. Солнцепоклонничество последних лет царствования Амен-хотпа IV не терпело знаков, изображавших человекоподобного египетского бога (см. § 115). Потому печатки, на которых солнце так или иначе наделялось его обличьем, были вырезаны не позднее первого времени после переделки солнечных колец из ранних в поздние. Титула Туту, содержащие его звание «раб первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в Ах-йот» — все времени до переделки солнечных колец. Но из этого нисколько не следует, что звание должно было быть впоследствии отменено. Надо полагать, что «играющее» написание наименования «Йот (блистательный)» в виде солнца с человечком внутри, плывущего в небесной ладье, было упразднено тогда же. Однако обозначение «Йот блистательный» для Амен-хотпа III не отпало с упразднением знака человекоподобного бога. Как мы видели, «дом Йота блистательного» упоминается в пометке 14 года царствования Амен-хотпа IV, следовательно года на два позже переделки солнечных колец (см. § 25).

Но может показаться, что представление о солнечной ладье несовместимо с развитым солнцепоклонничеством, и не только таким, каким оно стало после переделки солнечных колец, но и таким, каким оно было до того при раннем их виде.

Печатки, на которых Неб-ма-рэ был представлен в образе прежнего человекоподобного бога солнца, плывущего в своей небесной ладье, не древнее первого времени после переделки солнечных колец из ранних в поздние: прошло ведь не так уж много времени после нее, и знак человекоподобного бога был удален из письма (см. § 115). Также несомненно, что лучистое многорукое солнце Амен-хотпа IV ни разу не помещено на столичных изображениях в ладью. Только на плите, которую держит изваяние шминского князя Нехт-мина, еще многобожеской, хотя и близкой к «искажительному» искусству второй четверти царствования (см. § 103), князь и княгиня молятся солнечному кругу (без лучей!) в ладье с солнечным младенцем на носу (HTES VIII:XLIV; подробнее об этом памятнике см. § 119, № 35). При этом солнце так и названо по-старинному «Ра-Хар-Ахтом, что в сердце ладьи своей», несмотря на то, что в сочетании «Ра-Хар-Ахт» здесь и во второй строке нижней надписи «Ахт» передано двумя знаками небосклона со значком жизни, подвешенным к нижнему, т. е. на раннепоклоннический лад — так писали «Ра-Хар-Ахт»

¹² Sethe K. Beiträge zur Geschichte Amenophis IV // Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1921. Berlin, 1921. S. 105. Anm. 3.

¹³ Schäfer H. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. 1918, Bd 55. S. 27. Anm. 4.

¹⁴ Sethe K. Op. cit.

при ранних солнечных кольцах (см. § 19).

Тем не менее, несмотря на почти полное исчезновение из изобразительного искусства солнечной ладьи, древнее представление о плавании солнца по небу не было полностью изжито. На более поздней плите князя Нешт-мина (времени IV–VI солнечного титула, см. § 37–39, как показано в § 119) говорится о том, что Рэ постоянно «с ветром», а также о ночной солнечной ладье (ZAcSA LXIV:IV = 113 = TTA:144 CXXXVIII). Но и эта плита, хотя и много сильнее затронутая царским солнцепоклонничеством, чем более ранняя, все же еще многобожеская. На основании известного места в большом славословии солнцу в гробнице Ая — «Ты далек, (хотя) лучи твои на земле, ты перед лицами (т. е. на виду у всех), хотя не [з]на[ю]т хождения (т. е. движения) твоего» (EA VI:XXVII, стк. 3) — можно было бы заключить, что строгое солнцепоклонничество полностью исключило представление о небесном плавании солнца, притом позже времени V солнечного титула (см. § 38), значащегося в начале этого славословия (EA V:XXVII, стк. 1). То, что в славословиях вечернему солнцу в гробницах Ах-мосе (EA III:XXVIII, стк. 1) и Пенчев (EA IV:IV, стк. 1) читаются слова «переплываешь [ты] небо в мире», «переплываешь (с определителем ладьи, разрушенным у Ах-мосе) ты небо», само по себе еще немного значило б. Надписи у Ах-мосе и Пенчев, несмотря на верноподданническое солнцепоклонничество первого и жреческое звание второго, хотя в общем и выдержаны в духе своей поры — последних лет ранних солнечных колец, то все же несколько старообразны. Что Хайа переписал в своей гробнице оба эти славословия, ничего не изменив в соответствующих местах («переплываешь» оба раза с определителем ладьи, EA III:XXXVII, стк. 1 = 31, EA IV:IV, стк. 1), можно тоже считать не слишком доказательным; хотя надписи начертаны при поздних солнечных кольцах, домоправитель вдовствующей царицы Тэе не был свободен от некоторого пристрастия к старине. Но вот когда сам верховный жрец главного столичного храма — «великий (среди) видящих Йота доме Йота в Ах-йот» Ми-рэ воспроизводит в своей гробнице в своем вечернем славословии солнцу (EA I:XLI, сткк. 1–3) соответствующее место из славословия Ах-мосе, притом не совсем дословно, а с изменениями, но не в занимающем нас месте, становится невозможным отрицать приемлемость представлений о плавании солнца по небу даже для исключительного солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV (данное славословие не первых дней поздних солнечных колец, когда верховный жрец звался еще Хитайа, EA I:XXXIV).

Ах-мосе

«Пересекаеш[ь] т[ы] в[ы]сь в мире — обе земли
(т. е. Египет) сплошь в воскликновении пред тобой,
(воз)давая хвалу образовавшему их...»

Ми-рэ

«Пересекаешь ты высь в мире — обе земли сплошь
на воскликновении [пред] [тобой], [(воз)д]авая хвалу
при восходе твоём...»

(определитель ладьи, разрушенный у Ах-мосе, имеется у Ми-рэ).

Но для нас, пожалуй, еще существенней, что сходным образом выражается сам Туту в своем славословии солнцу (EA VI:XV, стк. 4): «Пересекаешь ты небо, а око его (т. е. фараона) на доброте твоей, ликующего радостно при виде тебя, Йот живой» (определитель к слову «пересекать» и здесь ладья; надпись — времени IV солнечного титула (см. § 37), поскольку такое титуло значит на противоположной стене входа).

Итак, образ солнца, пересекающего в ладье небесные выси, не был чужд даже строгому солнцепоклонничеству. Небесному существу в солнечном круге в своей ладье уподобляли Амен-хотпа III как «Йота»; в образе Солнечного бога в ладье, плывущей по небесным водам, представляли себе «Неб-ма-рэ в ладье» и, очевидно, также «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье». Объявляя фараона плывущим в солнечной ладье, его приравнивали к солнцу в небе и тем самым к солнцу как предмету почитания в его доме на земле. Фараон в ладье, т. е. образ небесного солнца, разделял с ним почитание в самом его храме.

Как верховный жрец особы солнцеподобного властелина Туту не мог не стоять к нему в самых близких отношениях. *Солнцепоклонничество и царепоклонничество, переходящее одно в другое, пронизывающее одно другое, неотделимые одно от другого, — не это ли сама душа, самое существо фараоновской солнечной веры Амен-хотпа IV?* Но Туту

стал верховным жрецом царя во храме солнца, будучи уже «тем, кто в хант». Уже как таковой он был причастен к храмовому хозяйству солнца, к обрядовой стороне царства, к служению особе фараона на положении и в облике жреца. Близость к царю на этой почве была достигнута уже до возведения в сан верховного жреца в главном храме солнца; этот сан явился лишь увенчанием достигнутого. Нельзя забывать слов Туту: «был я первым в должности того, кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ» (EA VI:XIX, стк. 10). Мы видели, что кроме Туту было еще несколько «тех, кто в хант». И если сама должность обеспечивала близость к царю, Туту сумел быть первым из всех, кто ее занимал. Величие Туту, его власть и влияние зиждились на его отношении к фараону, а не на высоком сани в государственном управлении.

Когда началось величие Туту и когда оно кончилось? Гробница Туту — одна из самых внушительных на вельможеском кладбище в Ах-йот. Издатель отметил «смелость» ее замысла и выполнения, не только изнутри, но и снаружи¹⁵. Гробница была уже отчасти высечена в скале, когда приступили к ее отделке. Одна из древнейших ее частей, несомненно, вход; он был отделан еще при IV солнечном титуле (EA VI:XVI, см. § 37). Таким образом, гробницу начали высекать одною из первых, вскоре после вторичных и третичных пограничных плит, которые все — времени III солнечного титула (см. § 36), точнее — 8 года царствования (см. § 41). Отделка продолжалась при VI (см. § 39) солнечном титуле (EA VI:XIX–XX) и далее при VII (см. § 40), т. е. после переделки солнечных колец из ранних в поздние (VMPh:XVIII, EA VI:XII, XIV, XIX — жизнеописание этого времени ввиду пространного написания слова «правда» в обозначении «властитель, живущий правдою» в стк. 5, см. § 108; EA VI:XXI — того же времени ввиду буквенного написания слова «мать» в стк. 2, см. § 109). Однако эта гробница, как и почти все вельможеские гробницы в Ах-йот, осталась незаконченной. Отделка ее прервалась, видимо, в ближайшие годы после переделки солнечных колец: в самой длинной надписи, уже времени поздних солнечных колец (ввиду буквенного написания слова «мать», см. § 109, EA VI:XXI, стк. 2), употреблены еще знак человекообразного солнца (см. § 115 и знак *usr*, см. § 112; оба в стк. 1). Из этого, разумеется, никак не следует, что с Туту тогда что-то случилось. Великолепная гробница нареченного «отца» Амен-хотпа IV Ая на том же южном кладбище была покинута рабочими еще раньше, но Ая не только не погиб, но всплывает при Тут-анх-амуне уже на положении верховного сановника с тем, чтобы по смерти юного фараона самому усесться на египетском престоле. К тому же гробницу Туту отделяли еще при поздних солнечных кольцах, тогда как отделка гробницы Ая была прекращена при VI солнечном титуле (см. § 39). Да и вообще ни одна гробница в скалах Ах-йот, ни на этом, ни на северном кладбище, за исключением разве лишь гробницы Хайа, не была отделана до конца, хотя над некоторыми гробницами на севере работали еще значительное время после того, как работа в гробнице Туту была приостановлена. Как трудно умозаключать по состоянию отделки гробницы о судьбах ее владельца, доказывает лучше всего гробница самой царской семьи в глухом ущелье позади вельможеских кладбищ. Царскую гробницу отделяли в течение непродолжительного времени после переделки ранних солнечных колец в поздние. VII титул солнца было тогда еще настолько малопривычным, что мастера ухитрились дважды снабдить лучистое солнце поздними кольцами с прозваниями из III солнечного титула, оказавшегося под руками, на устарелой плите-прописи (см. § 40). Более четырех царевен (см. § 94) в гробнице нигде не изображено, хотя случаев для изображения царской семьи в полном составе было сколько угодно. Сочли нужным повторно изобразить даже грудного младенца — царевну на руках у кормилицы (MSECAE I:VI = ИДЕ:141 = ИДЕг:367 = ВНЕф:82, MSECAE I:IX), но ни пятой, ни шестой царевны (см. § 95) в гробнице не видно. И никаких более поздних следов работы над отделкой гробницы указать нельзя, хотя после рождения четвертой царевны до конца царствования протекло немало лет.

Итак, Туту сохранял свое выдающееся положение при дворе и в государстве, достигнутое им еще до переделки солнечных колец из ранних в поздние и после этого

¹⁵ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. P. 7.

события. Его величественная и своеобразная гробница стала отделяться еще при IV солнечном титуле (см. § 37). Не позже, как при VI солнечном титуле (см. § 39), Туту был возведен в сан верховного жреца солнцобразной особы своего повелителя (EA VI:XIX) и вознесен превыше всех остальных гражданских, военных и храмовых сановников, обязанных уплачивать ему ежегодно налог со своих доходов золотом, серебром, медью, одеждами и скотом (EA VI:XVII). И при поздних солнечных кольцах (см. выше) Туту говорил о себе не только как о посреднике между царем и подвластными тому чужеземными владельцами, но и как об «устах верховных земли до края ее — в войске, работах, ремеслах, оке всяком, живом, равно как и мертвом» (EA VI:XIX).

Таким своим положением Туту был обязан не той или иной должности, связанной с управлением государством, а своей полужреческой службе при особе земного солнца, своей обрядовой близости к нему. Туту был временщиком, и временщиком всемогущим, в течение значительной части царствования Амен-хотпа IV.

Если только у Туту мы читаем о даровании вельможе налога со всех сановников царства, то лишь у него одного мы находим и длиннейшую надпись, толкующую о кровавых расправах, чинившихся фараоном над своими ослушниками. Эта надпись (EA VI:XXI) была начертана при поздних солнечных кольцах, как о том свидетельствует написание слова «мать» в строке 2 буквами *m* и *t* (см. § 109), однако не под конец царствования, как то показывают знаки человекообразного солнца (см. § 115) и длинношеей звериной головы *wsr* (см. § 112) в строке 1. Очень прискорбно, что эта примечательная надпись дошла до нас в крайне поврежденном виде, так что значительная часть ее не поддается связному переводу. Но и уцелевшего достаточно, чтобы уразуметь положение в стране в последнюю треть царствования Амен-хотпа IV. По роду своему надпись представляет проставление фараона как благодетеля египетской державы и послушливых вельмож и одновременно как грозного карателя ослушников. Числа в скобках означают строки.

«(1)» — — — [во]сход — — — от[ро]к (т. е. сын) Йота, Рэ живой, великий любовью (т. е. тот, к кому питают великую любовь), (такой, что) живет земля по приказу его. Отверзаешь ты очи твои — богатеет (2) земля вещами... Ты — мать, родившая всех, возраставшая тысячи тысяч питанием т[во]им. Величие твоё — стена из меди, (такая, что) в ней тысяча тысяч локтей. Окружил ты земли силою своею до предела лучей Йота, (3) [цар]ь (?) (и) [государь (?) Нефр]-шепр-[рэ Ва-н-рэ], властитель, любимец, большой чудесами, (пре)подобный добротой твоею. Цвет плоти твоей, что луч(ей) отца твоего, (когда) он восходит, Йот [жи]вой, (и) [осве]щается (?) [сот]воренное (?). [Т]ы (?) по образу его. Вышел [т]ы [из] него, [произвел (?)] он тебя и[з себя] самого, подобно тому как пригляден он в мясе своем. — — — (Как) пребывает он, (так) пребываешь (и) ты вековечно. Йот — ты (?) с[ын его], возлюбленный его. Ты что образ его. Ликуют о тебе до неба (5) — — — [больш]ой (?) п[о (?) век]у своему (?). Дает он тебе (быть) вековечно — пребудешь ты вечно, сотворишь празднества [тридцатилетия]. Рождает тебя Йот каждый раз, как воссиявает он. Восходит он на небе, чтобы осветить тебе — — — (6) [Сирия] вместе с Кошем (т. е. Эфиопией) привлечены к тебе склоненными в Ах-йот, южане, как северяне. Они обоняют пред тобой землю (т. е. поклоняются тебе), творят они хвалу — — — (7) — — — родивший тебя, Рэ, владыка (пред)определения (т. е. судьбы), творящий век (жизни), [Нефр]-ше[пр-рэ Ва-н-рэ]! Небо с Йотом живым, дыхание в нем (т. е. в небе) — даешь ты его (т. е. дыхание) в ноздри жалуемых твоих (8) — — — Йо[т] (?)... страх твой (? — т. е. перед тобою?)...».